

— Георгий Степанович, как определился выбор профессии — сразу или были другие планы?

— Были. Учился в цирковом техникуме и работал в цирке акробатом. Там меня и обнаружили кинематографисты, пригласили сниматься. Увлёкся, пошел учиться к Сергею Аполлиinarieвичу Герасимову. Позже понял: чтобы стать настоящим актером, надо работать в театре. Поэтому и работаю в театре, совмещая сцену со съемочной площадкой.

— Со дня вашего дебюта прошло много лет. Что вы поняли в жизни и искусстве, чему научились?

— Научился различать цвета. Раньше все казалось в одном цвете. Юность — это часто максимализм. С годами жизнь опровергает многие из казавшихся вечными представлений о ней. Об нее, жизнь-то, как сказал один мой знакомый, «очень можно приложиться». Я часто «прикладывался». Может, поэтому мне и предлагают роли людей со сложными судьбами, много в жизни повидавшими, что-то в ней понявшими.

В искусстве? Раньше все нравилось, все подряд, даже в плохом находил что-то интересное, нужное, красивое. Прекрасная неразборчивость молодости. Теперь редко что нравится. Часто думаю: неужели то, что порой предлагаю зрителю в театре, кино, на эстраде, в музыке, — искусство? Нередко это какая-то пометь без роду и племени, без корней — национальных, социальных. Само по себе такое не возникает. Все — от человека, его культуры, вкуса, от того, насколько глубоко он понимает, чувствует. Я вот наблюдаю, как ведут себя некоторые молодые люди, пришедшие в искусство. Это же молодые старцы! Все-то они знают, от всего устали, со всеми запанибрата, смотрят на многое с высоты своих... двадцати лет. Думаете, брюзжу, постарел... Нисколько. У меня дочь студентка. Общаюсь и о многом размышляя с ней, я понимаю ее. Мне не только понятны, но и импонируют ее идеалы, цели, стремления. Вы скажете: родитель субъективен... Но я и от других своих ровесников слышал то же самое.

— Знаете, что есть наибольшее зло, с моей точки зрения? Потребительство. И в жизни, и в искусстве. И много его нынче. Я ненавижу это. Во всем и во всех, независимо от возраста.

Удовлетворенность души надо

искать и находить в работе, в творчестве. Каждый день.

— Ваше самое яркое впечатление в искусстве?

— Со дня выхода на экраны — фильм «Чапаев» и работа Бориса Андреевича Бабочкина в нем. Гениально, нестареющий фильм. Навсегда.

— Скажите, пожалуйста, какая роль в театре или кино стала для вас «звездным часом»?

— Я не понимаю, что значит «звездный час». Люблю в кино роль Вилли Старка во «Всея королевской рати», в театре — Никиту из «Власти тьмы», которого сыграл в Ленинградском об-

Встреча

«ЛЮБЛЮ ПРОСТЫХ И ИСКРЕННИХ ЛЮДЕЙ»

Наш собеседник —
народный артист СССР
Георгий ЖЖЕНОВ

ластном драматическом театре.

— Часто в беседе с актерами возникает слово «тема». Причем одни актеры утверждают, что тема не нужна, так как творческая практика актера не поддается какому-то планированию, каждая новая роль — это непредвиденное предложение. Другие считают, что тема нужна как гражданская ориентация. Так нужна тема актеру или не нужна?

— Нужна, нужна. Тема — это то, что волнует актера как гражданина, то, чем всегда хочется поделиться с людьми. Для меня — это мужество человека, его преданность, доброта, выносливость. В какой-то мере я рассказал о таких людях в фильмах «Горячий снег», «Человек, которого я люблю», «Ошибка резидента», «Экипаж»...

— Георгий Степанович, зрители часто отождествляют актера с созданным им образом. В этом смысле за вами утвердилось определение — положительный герой. Но вот сыграли вы в таких фильмах, как «О чем молчала тайга», «Конец Любавиных», и в одной из редакций мне показали письма-протесты против исполнения вами ролей нулаков, бандитов и так далее...

— Я тоже не раз получал подобные письма, где пишут, что вот вы, мол, товарищ Жженов, для нас — носитель правды, и вдруг — такие роли, которые подрывают веру в вас и т. д., и т. п. Что тут скажешь? Путани-

ца. Отождествляя, люди путают. Я часто рассказываю на встречах со зрителями историю, похожую больше на анекдот. Актер Корнев сыграл главную роль в фильме «Человек-амфибия». Однажды, будучи в Казахстане, он обнаружил, что за ним неотступно ходит какой-то человек. Позже выяснилось, что этот человек хотел проверить, есть ли у актера на самом деле... жабры. Я могу понять это отождествление зрителями актера с героем. Но когда протестуют против исполнения только потому, что однажды создали стереотип, — такое понять сложно. Я уже не говорю о том, что стереотип обедняет практику актера...

— Как вы думаете, Георгий Степанович, зачем идет публика в театр, кино? Спрашивал, многие отвечают: развлечься...

— Не знаю, зачем публика идет в театр. По-моему, за информацией, чтобы что-то понять, насладиться подлинностью творчества, как бы живого общения с исполнителями. Идти, чтобы развлечься, — не знаю, возможно... Но от нас, актеров, в большой мере зависит изменить такое отношение зрителя к искусству. Все дело в качестве нашей работы, в том, насколько эмоционально будет воздействовать искусство на человеческую душу.

— Какое предложение режиссера было для вас самым неожиданным?

— Когда-то Юрий Александрович Завадский пригласил меня в Театр имени Моссовета сыграть роль Льва Толстого. Это было не просто неожиданностью, а приятной неожиданностью. Тогда спектакль так и не был поставлен. Но осталась мечта, которая сегодня, боюсь, еще дальше от меня, чем была в те годы. Толстого в театре сыграл Ильинский, в кино в этой роли снимается Герасимов.

— Но кроме Толстого есть, верно, и другие герои, о которых мечтаете?

— Всегда хотел сыграть Федю Протасова, Астрова, Егора Булычова. Но все уже сыграно.

— Вы долгие годы — не сглазить, как говорится, — находитесь в отличной форме. Верно, спорт в вашей жизни играет не последнюю роль.

— Вы, наверное, ждете, что я сейчас скажу: каждое утро — зарядка, пробежки и т. д., и т. п. Всю жизнь любил и люблю обыкновенную физическую работу. Строил дом, сажаю деревья, копаю землю, пилю дрова. Получаю от этого огромное удовольствие — и физическое, и моральное.

— Георгий Степанович, вы часто встречаетесь с людьми. Что всегда привлекало и привлекает вас в человеке?

— Простота. Один мудрый человек заметил как-то: обаяние — это умение всегда быть самим собой. Люблю цельных людей. Конечно, человек — конструкция душевно сложная, но это не должно исключать цельности, конкретности в главном. Напротив, мне всегда претит желание человека показаться не тем, кто он есть на самом деле. Играть кого-то — это профессия актера. Профессия. Но вне ее, в жизни, надо быть самим собой. Люблю людей умных, искренних.

— А что непонятно вам в человеке?

— Непонятен инстинкт хищника, желание разрушать, убивать себе подобных.

— Что же, по-вашему, неестественно в человеке?

— Вера. В жизнь, справедливость, идеал. Вы обратитесь к истории человеческого общества. Сколько бы ни воевали люди, ни убивали друг друга — всегда, в самые мрачные времена, находились проповедники добра и мира. И это естественно, потому что главное в нашей человеческой жизни — это жить, быть живым. Задача искусства — поддержать и утвердить эту веру.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.

Фото Ю. Иньякина.